

Головашина О.В. «Культура отмены»: исключенность и историческая идентичность // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 38-54. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_38

УДК 130.12

DOI 10.17506/26867206_2024_24_3_38

«Культура отмены»: исключенность и историческая идентичность

Оксана Владимировна Головашина

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

Томский государственный университет

г. Томск, Россия

E-mail: ovgolovashina@mail.ru

*Поступила в редакцию 25.03.2024, поступила после рецензирования 18.04.2024,
принята к публикации 20.05.2024*

В статье предпринята попытка исследования «культуры отмены» как современной формы остракизма через оптику исключения М. Фуко. Акцент сделан на взаимосвязи социальной идентичности и «культуры отмены». Идентичность осмыслена как символический ресурс, охарактеризовано влияние дискурсивных стратегий на процесс идентификации. Особое внимание уделено запрету как форме контроля над дискурсом. Показано, что запрет проявляется в исключении, которому подвергается не столько конкретный человек, сколько дискуссия или сама возможность дискуссии. Проанализированы необходимые для решения поставленной задачи концепты М. Фуко: дисциплинарная власть, режимы истины, норма как инструмент принуждения. Выявлены особенности механизма исключения в разные эпохи. Обосновано, что проводником дисциплинарной власти в современном мире могут выступать социальные медиа. Через различные медиаканалы и социальные сети индивид испытывает влияние экономических, политических, культурных акторов, заставляющих соблюдать определенные правила. И сегодня он более подконтролен, чем в описываемом М. Фуко Паноптиконе, благодаря видеокамерам и другим устройствам «умного города», цифровым следам и т.д. Также в статье продемонстрированы возможности использования намеченной ранее оптики для анализа «культуры отмены». Новая норма касается не столько тела, сколько этических оценок и правильного (нормального) поведения. Само существование канселлинга, распространение случаев его применения задает рамки должного. Невозможность совершения определенных действий и поступков из-за ожидания реакции и боязни отмены влияет не только на проявления, но и на идентичность саму по себе. Показано,

© Головашина О.В., 2024

что «культура отмены», распространившаяся ради повышения инклюзивности, то есть свободы самовыражения представителей угнетенных прежде групп, теперь выступает в качестве ограничения свободы через контроль. Сделан вывод о том, что «культура отмены», констатируя приоритет этического над инструментальным использованием прошлого, конструирует формы идентичности через принудительную релевантность, то есть само ее существование задает рамки поведения, поступков, высказываний.

Ключевые слова: «культура отмены», М. Фуко, инклюзивность, норма, исключенность, историческая идентичность, идентификация

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465/>

Cancel Culture: Exclusion and Historical Identity

Oksana V. Golovashina

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia

Tomsk State University

Tomsk, Russia

E-mail: ovgolovashina@mail.ru

Received 25.03.2024, revised 18.04.2024, accepted 20.05.2024

Abstract. The article attempts to investigate cancel culture as a modern form of ostracism through the lens of exclusion proposed by Michel Foucault. The research focuses on the relationship between social identity and cancel culture. Identity is conceptualised as a symbolic resource, and the influence of discursive strategies on the process of identification is examined. Special attention is given to prohibition as a form of controlling discourse. It is shown that prohibition manifests itself in exclusion, affecting not so much a particular person but rather a discussion or even the very possibility of a discussion. Foucault's key concepts are analysed in relation to this task: disciplinary power, regimes of truth, and the norm as an instrument of coercion. The peculiarities of the exclusion mechanism in different epochs are studied. It is argued that social media can serve as a conduit for disciplinary power in the modern world. Through various media channels and social networks, individuals are influenced by economic, political, and cultural actors who compel them to comply with certain rules. Today, individuals are more controllable than in the Panopticon described by Foucault due to surveillance cameras, smart city technologies, digital footprints, and other tools. The article also demonstrates how the previously outlined framework can be applied to the analysis of cancel culture. The new norm focuses less on the body and more on ethical judgements and socially accepted (normal) behaviour. The mere existence of cancelling, along with the increasing instances of its application, sets the boundaries for what is deemed proper. The inability to perform certain actions due to the expectation of backlash and fear of cancellation affects not only their manifestations, but also identity itself. It is shown that cancel culture, originally spread to promote inclusiveness and the freedom of expression for previously oppressed groups, now functions as a restriction of freedom through control. It is concluded that cancel culture, by prioritising ethical over instrumental uses of the past, constructs identity

through coercive relevance, i.e. its very existence dictates the framework for behaviour, actions and statements.

Keywords: cancel culture, Michel Foucault, inclusivity, norm, exclusion, historical identity, identification

Acknowledgments: The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00465, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00465/>

For citation: Golovashina O.V. Cancel Culture: Exclusion and Historical Identity, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 38-54. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_38

Введение

«Заставить человека, страдающего душевным заболеванием, признать, что он безумен, – чрезвычайно древняя процедура. Все представители старой медицины – до середины девятнадцатого столетия – были убеждены в несовместимости безумия и его признания. Например, в сочинениях семнадцатого и восемнадцатого веков содержится масса примеров того, что можно было бы назвать терапией истиной. Безумец исцелится, если кто-то покажет ему, что его бред не имеет никакого отношения к действительности» (Фуко 2008а: 68). Этот тезис, высказанный в речи «О начале герменевтики себя», М. Фуко использует как пример «странных и сложных отношений, установившихся в наших обществах между индивидуальностью, дискурсом, истиной и принуждением» (Фуко 2008а: 68). Признание того, кто ты такой, необходимо для спасения, пишет французский мыслитель, однако в других своих текстах он обосновывает, что знание оказывается следствием практик власти, а истина сама по себе выступает следствием доминирующего дискурса. То есть человек стремится к пониманию себя и «практикам себя», сообщая о себе в том числе и через культивирование дихотомии «Я – Другой», но это понимание и соответствующая практика выступают как одно из проявлений дискурсивных стратегий и механизмов принуждения, определяющих режимы истины (Фуко 2008b).

Вместо признания своего сумасшествия, то есть того, что мой «дискурс не может циркулировать так, как дискурс других»¹, современные практики отбора и запрета строятся вокруг не только собственной идентичности, но и новых форм инклюзивности и признания Другого, обязывая «рассматривать традиционные различия (племенные, религиозные, расовые, обрядовые и им подобные) как несущественные по сравнению со сходствами, касающимися боли и унижения – со способностью считать “нашими” людей, имеющих с нами колоссальные различия» (Рорти 1996: 243). Несогласных с этим не заключают в лепрозории или заменившие их сумасшедшие дома (Фуко 2010), но, как в рассказе Р. Силверберга «Увидеть человека-невидимку» (1963), делают «невидимыми», отменяя субъекта вы-

---

¹Фуко М. Порядок дискурса // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/777?ysclid=ltjtt7q8k5698906055> (дата обращения: 22.03.2024).

сказывания, которое не соответствует сложившимся дискурсивным стратегиям и трактовкам идентичности.

В 2019 г. *Macquarie Dictionary* назвал «культуру отмены» словом года, потому что «оно стало, к лучшему это или к худшему, мощной силой»². В настоящей статье «культура отмены» рассматривается как практика исключения индивида, бренда, компании, современная форма остракизма, в основе которой лежит приоритет этических форм идентичности. Акцент сделан на взаимосвязи идентичности и «культуры отмены», поэтому вопросы, связанные с влиянием канселлинга на свободу слова или с «культурой отмены» как новой формой социальной справедливости, которых уже касались исследователи (Lukianoff, Haidt 2018; Dershowitz 2020; Donnelly 2021; Kovalik 2021; Ng 2022), остаются за пределами внимания. Под идентичностью имеется в виду социальная (историческая) идентичность, то есть речь пойдет об идентичности не индивида, а сообществ. Это обусловлено тем, что практики «культуры отмены», несмотря на то что зачастую касаются отдельного человека, вызывают реакцию сообщества, и только оно, а не отдельный человек, может выступать актором отмены. Основное внимание сосредоточено на социальной (исторической) идентичности, чтобы не концентрироваться на особенностях использования расовых, гендерных и прочих различий в практиках канселлинга; к тому же любую коллективную идентичность можно рассматривать как социальную. Анализируя случаи канселлинга через оптику, предлагаемую М. Фуко, мы рассмотрим инверсию инклюзивности в исключенность, а также способы конструирования новых форм идентичности при помощи «культуры отмены».

Идентичность как ресурс

В соответствии с конструктивистской моделью идентичность сообщества представляет собой не константу, а практику идентификации, то есть не существует заданной раз и навсегда идентичности, она постоянно переосмысливается в зависимости от исторического и социального контекста. Несмотря на то что не каждую идентичность можно изобрести (Лавабр 1995; Osiel 1997), действия акторов, мероприятия, ритуалы и так далее позволяют в определенной степени управлять этой практикой в своих интересах: «Особые исторические социальные структуры порождают типы идентичности, которые опознаются в индивидуальных случаях» (Бергер, Лукман 1995: 280). То есть идентичность представляет собой не только понятие, которое изучают ученые, или психологический процесс, но и политическую практику. Признание динамичности исторической идентичности связано с отказом от онтологического статуса прошлого и конституированием истории в качестве набора инструментов и «автобиографии сообщества» (Leone, Curigliano 2009). В случае идентичности прошлое становится практическим, в том смысле, который имел в виду Х. Уайт, то есть представляет собой не столько знание о произошедшем, сколько оказывается ресурсом для решения

---

² The Committee's Choice & People's Choice Word of the Year 2019 // Australian Macquarie Dictionary. URL: <https://www.macquariedictionary.com/au/resources/view/word/of/the/year> (дата обращения: 22.03.2024).

повседневных проблем или этических коллизий. Примеры такого использования можно найти в практиках политики памяти, социального конструирования различных групп и сообществ, национальных идеологиях.

Оставляя за скобками многообразие практик, позволяющих использовать идентичность как символический ресурс (Goffman 1968; David 2014; Sherlock 2020; Моран 2021; Сыров 2023), мы предлагаем обратить внимание на влияние дискурсивных стратегий на процесс идентификации. Практики идентификации следуют из дискурсивных стратегий, то есть дискурсивное управление коллективом имеет тенденцию порождать интерпретации, которые, в свою очередь, могут формировать личную и социальную идентичность; повествовательные особенности текста оправдывают его полезность в качестве ресурса идентичности для личного и коллективного Я. В контексте задач, поставленных в статье, наибольший интерес представляет запрет как форма контроля над дискурсом, которая заключается в сужении области свободной дискуссии. В качестве примера можно привести практики советской цензуры или ограничение возможности высказываться женщинам и представителям сексуальных меньшинств в определенные периоды. Можно сказать, что запрет проявляется в исключении, причем исключению подвергается не столько конкретный человек, сколько дискуссия или сама возможность дискуссии.

К. Уэст предлагает мысленный эксперимент: цензура начала использовать технические изобретения, и теперь граждане не могут понимать язык каждый раз, как начинают высказывать определенные взгляды, или соответствующий чип можно ввести определенной группе лиц, выделенной по какому-либо признаку. То есть их способность высказываться сохраняется, они даже могут быть услышаны, но дискуссия оказывается невозможной³. Запрет как форма контроля дискурса, таким образом, проявляется не только в прямой невозможности высказывания определенных идей, реализации присущей нам способности говорить, но и в затруднении достижения при помощи возможных дискурсивных практик желаемого говорящими результата. Акт коммуникации, представляя собой социальную практику, зависим от системы отношений, прежде всего, властных; соответственно, высказывание оказывается возможным только в том случае, если акторами создаются условия для этого. И если практики советской цензуры оправдывали исключение интересами господствующего класса или партии, то «культура отмены», защищая в большинстве случаев инклюзивность, исключает тех, кто не соглашается или производит впечатление, что не соглашается с транслируемым определением инклюзивности.

Происходит инверсия инклюзивности в исключение: вместо увеличения возможного разнообразия сужается сама его возможность. Например, «культура отмены» выступает за равные права граждан, вне зависимости от их гендера, но не обращает внимания на классовые и социальные различия. Можно стать отмененным из-за высказываний о трансгендерах или

---

³Finlayson L. Loose Threads // Sidecar. 23.11.2023. URL: <https://newleftreview.org/sidecar/posts/loose-threads> (дата обращения: 22.03.2024).

афроамериканцах, но не было случая, чтобы исключали, например, за анти-семитизм. Инклюзивностью, таким образом, является только то, что принято считать ею в доминирующих дискурсивных стратегиях. Поэтому в США отменяют тех, кого считают расистами, или оскорбляющих трансгендеров⁴, в России – тех, кто не поддерживает традиционные ценности⁵, в Китае – не признающих государственных границ и оскорбляющих национальных производителей⁶.

Речь идет не только о словах самих по себе или отдельных кейсах. Вне зависимости от того, что послужило причиной, «культура отмены» выходит за рамки отмены отдельных людей или брендов. Она также направлена на демонтаж всей структуры меритократии (оценки людей по совокупности их достижений и добродетелей) и замену ее иерархией, основанной на идентичности. Меритократия распространилась в США именно для того, чтобы заменить европейскую иерархию, основанную на родословных, классах, религии и других идентичностях. Попытка «культуры отмены» заменить меритократию привилегиями идентичности является зеркальным отражением дискредитированных иерархий прошлого. Прежние заслуги и популярность, положение, соответствующее заслугам, успехам, достижениям в течение всей жизни, перестают иметь значение после одного поступка

---

⁴ Joubert A.M., Coffin J. Celebrities Can be Cancelled. Fandoms are Forever // The Conversation. 07.07.2020. URL: <https://theconversation.com/celebrities-can-be-cancelled-fandoms-are-forever-141775>; Shead S. J.K. Rowling Criticizes 'Cancel Culture' in Open Letter Signed by 150 Public Figures // CNBC. 08.07.2020. URL: <https://www.cnbc.com/2020/07/08/jk-rowling-cancel-culture.html>; Flynn K. Teen Vogue's New Editor Out of a Job after Backlash Over Old Tweets // Cable News Network (CNN). 20.03.2021. URL: <https://edition.cnn.com/2021/03/18/media/alexi-mccammond-teen-vogue-out/index.html> (дата обращения: 22.03.2024).

⁵ Елкин И. Отмена звезд с «голой» вечеринки: почему россияне не поверили их извинениям? // Российская газета. 28.12.2023. URL: <https://rg.ru/2023/12/28/otmena-zvezd-s-goloi-vecherinki-pochemu-rossiiane-ne-poverili-ih-izviniyam.html> (дата обращения: 22.03.2024).

⁶ Davis R. Chloe Zhao's 'Nomadland' Censored by China after Nationalist Backlash // Variety. 05.03.2021. URL: <https://variety.com/2021/film/news/chloe-zhao-nomadland-china-censorship-1234922882/>; Chinese Netizens Boycott Thai Boys' Love Drama '2gether: The Series' Due to Inappropriate Comment about COVID-19 by Leading Actor's Girlfriend // Global Times. 12.04.2020. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1185359.shtml>; Li Y. Over 30 Chinese Stars Cut Ties with Brands Including Nike, HM, and Adidas, Standing Firmly Behind Xinjiang Cotton // Global Times. 25.03.2021. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1219474.shtml>; Hall C., Suen Z. Dolce & Gabbana China Show Cancelled Amid Racism Outcry // The Business of Fashion. 21.11.2018. URL: <https://www.businessoffashion.com/articles/fashion-week/racism-accusations-force-dolce-gabbana-to-cancel-chinese-fashion-show>; Tanakasempipat P., Potkin F. Insta-Star Wars: China Tensions in Southeast Asia Flare Online // Reuters. 14.04.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-thailand-china-internet/insta-star-wars-china-tensions-in-southeast-asia-flare-online-idUSKCN21W11P/>; Teh Ch. Chinese Social-Media Users Burn Their Nikes after the Company Says It's 'Concerned' about Forced Labor of Uyghurs in Xinjiang // Business Insider. 25.03.2021. URL: <https://www.insider.com/chinese-weibo-angry-xinjiang-burning-nike-shoes-2021-3> (дата обращения: 22.03.2024).

или высказывания, которые, по мнению сообщества, свидетельствуют о неприемлемых качествах человека (или позиции бренда, компании) и, следовательно, невозможности его нахождения в сообществе (контактов с брендом, организацией и т.д.).

Несмотря на конкретные поводы для исключения, канселлинг выступает следствием не столько поступка, высказывания, действия, сколько выражается в дискурсе разочарования сообщества в личных качествах человека, то есть в несоответствии того, кем отменяемый, по мнению сообщества, является, ценностям сообщества. Через практики исключения новым безумцам показывают их неправоту. Именно поэтому привычные действия, сопровождающие процесс исключения (например, публичные извинения, раскаяние), не достигают цели. Слово безумца должно иметь иной статус. Причем безумец – это не тот, кто безумен в соответствии с какими-то объективно существующими критериями; в современных условиях не соответствующими норме считаются слова человека, которого сообщество объявляет таковым. Как и в практиках исключения Нового времени, самой констатации отмены недостаточно; необходимо, чтобы отмененный понял, что «его бред не имеет никакого отношения к действительности» (Фуко 2008а: 68). И здесь можно заметить еще одно сходство прежних практик исключения и «культуры отмены». Если христианская культура в целом предполагала возможность покаяния (Мария Магдалина оценивается не как проститутка, а апостол Павел – не как сборщик податей и гонитель христиан), то в «культуре отмены» люди (бренды) обречены быть осужденным за свое (зачастую не только свое) прошлое. В соответствии с описанием М. Фуко, прокаженный не может перестать быть прокаженным, а сумасшедший – выздороветь. Все белые люди – расисты, которые, как бы ни старались, всегда будут такими, даже если никогда не задумывались о своей расе или расе окружающих. Покаяние, практики публичного извинения не приводят к прощению, они только дают шанс стать чуть менее расистом.

Исключенность можно описать через категории господства, проявляющегося в виде или суверенного решения об исключении (К. Шмитт), или суверенного решения о личной и политической жизни (Дж. Агамбен), или выбора элит, заботящихся о проблемах безопасности (теория секьюритизации), то есть как особое поле, созданное, ограниченное и постоянно укрепляемое насильственными практиками включения и исключения. Однако применительно к «культуре отмены» представляется более продуктивным ее рассмотрение как одной из практик контроля дискурса, реализуемой через запрет. Также важно обратить внимание на использование канселлингом дискурса идентичности как ресурса для механизма исключения и признания необходимости ограничения своего дискурса. Поэтому далее будет рассмотрен предлагаемый М. Фуко язык описания, который, на наш взгляд, может стать подходящей исследовательской оптикой для осмысления практик «культуры отмены».

**Дисциплина и исключение:
контроль над дискурсом в работах М. Фуко**

С точки зрения М. Фуко, исключенность связана с восприятием прокаженных и отношением к ним, причем значение имел не столько страх заразиться сам по себе, сколько необходимость какого-либо Другого, при помощи образа которого конструируются границы нормы. Когда лепрозории опустели, место прокаженных (само слово сохранилось в повседневной и художественной речи как синоним исключения) стали занимать сумасшедшие: «Конструируется понятие безумия, с помощью которого европейский разум начинает контролировать себя; учреждает в качестве “естественной” нормы понятие пола, определяя границы сексуальности»⁷. Распространение в конце XX – начале XXI в. дискурса инклюзивности, дефиниция сумасшедших как «альтернативно одаренных», «людей с особенностями» и так далее приводят к тому, что безумец уже не является тем чужим, чуждым, каким он был раньше, а его поведение, высказывания, практики становятся частью нормы. Парадоксально, но теперь исключению подвергаются люди, которые продолжают настаивать на логике исключения: стигма, с которой были связаны прокаженные, потом сумасшедшие, затем представители других рас и гомосексуалы, теперь относится к людям, действия которых могут свидетельствовать о том, что они не разделяют представления о новой норме, включающей в себя тех, кто ранее находился за ее пределами.

Норма оказывается принципом принуждения. Если суверен в традиционном обществе имел право лишить подданого жизни, то власть Нового времени проявляется в администрировании тел. Поэтому М. Фуко говорит о такой власти как дисциплинарной. В разные эпохи процедура исключения работала по-разному, но схожим образом. Два ее основных принципа противопоставлены: с одной стороны, принцип изоляции и наказания, с другой – принцип социальной адаптации под надзором. Оба представляют собой осуществление дисциплинарной власти. Даже индивид сам по себе не является самобытной и самостоятельной сущностью, а оказывается следствием работы дисциплинарной власти, конструкцией. То, что индивид считает самоконтролем (Taylor 2011), представляет собой практики дисциплинарной власти, которые уже были интернализированы человеком и воспринимаются некритично как часть его самого, соответственно, не нуждаются во внешнем управлении. При этом власть не связана с каким-либо конкретным сувереном, бессубъектна и встраивается в различные типы отношений. Продуктом такой власти оказывается знание, которое проистекает из нее, то есть М. Фуко обосновывает, что знание производится не конкретным субъектом, а совокупностью процессов, связанных с отношением власти-знания (Фуко 1999: 285-286). Не «знание – сила», как считал Ф. Бэкон, а знание, выступающее следствием дисциплинарной власти, существующей через опосредованную сеть агентов. Эта инверсия происходит потому, что

---

⁷ Подорога В.А. Словарь аналитической антропологии // Lib.Ru. Библиотека Максима Мошкова. URL: https://lib.ru/FILOSOF/PODOROGA_W/s_antropo.txt (дата обращения: 22.03.2024).

власть устанавливает режимы истины, которые позволяют производить знания. Полученное таким образом знание, в свою очередь, увековечивает и расширяет власть, которая затем порождает еще больше знаний.

Дисциплинарная власть направлена на распределение тел в пространстве – именно так функционируют рабочие дома, колледжи, тюрьмы, казармы, мануфактуры и т.д. Индивиды располагаются иерархично, в соответствии со своим рангом, заслугами, преступлениями, то есть подобного рода иерархия выступает способом классификации. М. Фуко описывает три основных механизма, за счет которых действует дисциплинарная власть: иерархическое наблюдение, нормализующее суждение и экзамен. Благодаря первому тела постоянно находятся под контролем власти. В качестве примера французский мыслитель приводит психиатрические больницы, причем важным он считает то, что существует не один наблюдатель, а их иерархия. Эти наблюдения конструируют определенную норму, которая в дальнейшем становится основой для оценок. Затем она транслируется как единственно правильный вариант, отклонения от которого наказываются. М. Фуко обращает внимание, прежде всего, на то, как норма касается тела и телесных практик, однако, если шире, то норма представляет собой определенный стандарт поведения, который позволяет оценивать любые действия индивида как «нормальные» или «ненормальные», то есть устанавливает фигуру «нормального» в качестве принципа принуждения для фигуры «ненормального» (Фуко 1999: 292). Экзамены объективируют наблюдаемое и выступают в качестве источника новой информации, а также дают представление о том, как настоящая ситуация (или направление развития) связывается с нормой. Как утверждает философ, «в центре дисциплинарных процедур экзамен демонстрирует подчинение тех, кто воспринимается как объекты, и объективацию тех, кто подчиняется» (Фуко 1999: 270); «в этом пространстве господства дисциплинарная власть по существу проявляет свою мощь, главным образом посредством упорядочения объектов. Экзамен – своеобразная церемония объективации» (Фуко 1999: 274). В связи с этим он упоминает первый военный смотр Людовика XIV как форму экзамена, дающую объективизацию предметов. На этом смотре 18 тыс. солдат были подвергнуты пристальному взгляду едва видимого монарха, который командовал их учениями (Фуко 1999: 275). Другой вариант объективизации связан с административной фиксацией, которая оставляет после себя плотный слой документов, как в примерах медицинских записей и записей учащихся. Наконец, накопление документов в ходе экспертизы формирует личность как случай, определенный в терминах статуса, связанного со всеми «измерениями», «пробелами» и «отметками», характерными для дисциплинарной власти (Фуко 1999: 278).

Применение дисциплинарной власти М. Фуко, опираясь на работу Дж. Бенета 1791 г., иллюстрирует через образ Паноптика как идеальной тюрьмы (Фуко 1999: 293). Кольцеобразное здание с башней в центре и большими окнами, выходящими внутрь кольца, позволяет постоянно наблюдать за поведением заключенных, а изолированные камеры не дают возможности для объединения. И уже не имеет значения, осуществляется ли

наблюдение в настоящий момент, важна уверенность заключенных, что каждый их шаг и действия видны надзирателям. Интересно, что функционирование Паноптикона не предполагает применения насилия. Само его устройство, вызывая у заключенных ситуацию постоянной видимости, заставляет их выступать проводниками власти: «Паноптикон... следует понимать как обобщаемую модель функционирования; как способ определения отношений власти в терминах повседневной жизни людей» (Фуко 1999: 298).

М. Фуко, говоря о дисциплинарной власти, обращает внимание, прежде всего, на то, как она проявляется в теле (Hoffman 2011). Однако можно провести определенные параллели между тем, что он называет дисциплинарной властью, и структурным насилием в терминологии Й. Галтунга (Galtung 1969). Структурное насилие связано с самим устройством социальных институтов, мешающим реализации потребностей индивидов. Одной из базовых потребностей человека (наряду с выживанием, благополучием, свободой) является идентичность. Невозможность ее реализации происходит через отчуждение индивида от группы. Как и в случае с дисциплинарной властью, объект, на который направлено структурное насилие, подчеркивает Й. Галтунг, не чувствует давления на себя. Его проводником становятся медиа, конструирующие идею нормы как принцип принуждения. Например, сегодня через Сеть и различные медиаканалы индивид испытывает влияние экономических, политических, культурных акторов, заставляющих соблюдать определенные правила. Если дисциплинарная власть распределяет тела в пространстве, то социальные сети кодируют пространство через локализацию пользователей, выстраивают их иерархию. Й. Галтунг отмечает, что, если информация используется какой-либо группой не по назначению, это говорит о наличии структурного насилия. Социальные сети уже давно перестали быть только площадкой для общения пользователей, превратились в ресурс получения данных для рекламы, слежки, пропаганды⁸. Интерактивность современных медиа, которую одни теоретики интерпретируют как возможность для свободного творчества и отказ от власти экспертов (Barry 2006), с точки зрения других, сама по себе носит дисциплинарный характер, создавая иллюзию свободы и возможности самовыражения, воспроизводя необходимую капиталистической индустрии субъективность (Jarrett 2008).

Многие исследователи пишут о том, что социальные сети способны собирать такой объем информации о пользователях, что влияют не только на их выбор предметов повседневного обихода, но и политические решения, вплоть до голосования за президента. Современные социальные медиа – это не только источники информации, но и проводники дисциплинарной власти. Они порождает разобщенность в обществе (Морозов 2014), авторитарная власть научилась использовать их для цензуры и пропаганды (Morozov 2011). Сегодня любой индивид более подконтролен, чем

---

⁸ The Power of Big Data and Psychographics (Cambridge Analytica) // Internet Archive. 22.04.2018. URL: <https://archive.org/details/CambridgeAnalyticaThePowerOfBigDataAndPsychographics> (дата обращения: 22.03.2024).

в Паноптиконе, благодаря видеокамерам и другим устройствам «умного города», цифровым следам и т.д. Дело не только в том, что в социальных сетях пользователи высказывают какие-либо суждения и делятся оценками, но и в том, что эти мнения и оценки оказываются основанием для действий офлайн: учительницу увольняют за неподобающий, с точки зрения учеников и их родителей, внешний вид на фотографии, которой она поделилась на своей личной странице; бизнес терпит убытки из-за вызвавшей негативные оценки пользователей рекламы; топ-менеджера понижают в должности после его комментариев и т.д.

Таким образом, дисциплинарная власть через практики контроля и надзора распределяет тела в пространстве, классифицирует их, задавая и транслируя норму как определенный стандарт поведения. Социальные сети и медиаканалы действуют подобным образом, локализуя пользователей и создавая их иерархию, выступая проводником дисциплинарной власти. Не касаясь важного для М. Фуко различия между суверенной и дисциплинарной властью (Allen 1999: 31-37), отметим, что «культура отмены» представляет собой именно практику власти над дискурсом.

«Острый конец палки Паноптикона»

Проблема исключенности, выступая следствием дисциплинарной власти, последовательно сводится, если использовать терминологию М. Фуко, к «единой системе различий» и «абсолютным осям отсчета»: дихотомии «друг – враг», норме и ненормальности, политике и безопасности. Каждый подход остается в меньшей или большей степени дуалистическим, проводя четкие границы, которые разграничивают единства, идентичности, категории. Таким же образом действует исключенность в «культуре отмены» – через определение «своих» и «чужих», оценки суждений и действий как соответствующих принятой в конкретном сообществе норме, переосмысление границ личного и публичного, дискурса безопасности как ресурса.

Повторяя одну из самых популярных метафор М. Фуко, критики «культуры отмены» называют ее «острым концом палки Паноптикона», изображая активистов канселлинга в качестве бродячих банд борцов за социальную справедливость, прочесывающих Интернет в поисках любого намека на оскорбительные мнения, поведение или контент (Jeftovic 2020). Необязательно ставить камеры там, где отечественные звезды проводят свой досуг, они сами поделятся фотографиями. Даже больше – если описанный М. Фуко Паноптикон позволял наблюдать за телами, то, например, через *Twitter* можно узнать мысли и отреагировать на них соответствующим образом. Причем Сеть, в отличие от Паноптикона, видит не только то, чем занимаются поднадзорные сейчас, но и помнит действия, поступки, совершенные десятилетия назад, предоставляя сообществу причины для отмены за отклонение от принятой сейчас нормы⁹. Проводником дисциплинарной

---

⁹ Flynn K. Teen Vogue's New Editor Out of a Job after Backlash Over Old Tweets // Cable News Network (CNN). 20.03.2021. URL: <https://edition.cnn.com/2021/03/18/media/alexi-mccammond-teen-vogue-out/index.html> (дата обращения: 22.03.2024).

власти выступают медиа и современные технологии, обеспечивающие видимость индивида. Многочисленные пользователи, фолловеры, авторы контента и те, кто его распространяет и делится реакциями, создают новую иерархию наблюдателей, конструирующих и транслирующих необходимую норму, которая теперь касается не столько тела, сколько этических оценок и правильного (нормального) поведения. Вместо административной фиксации или другого варианта объективизации статуса тела, социальные сети предлагают присоединиться к хештегам или поделиться реакциями.

Обратим внимание еще на один аспект. Неважно, увидят ли действительно фотографии с вечеринки (хотя чем публичнее человек, тем больше он под контролем, следовательно, выше его шансы быть отмененным), важно, что само существование канселлинга, распространение случаев его применения начинают обладать принудительной релевантностью, задавая рамки должного. Нельзя ставить под сомнение наличие менструирующих персон, не являющихся женщинами, гибель афроамериканцев от рук белых или, если сообщество наблюдателей меняется, то, что полуобнаженный вид на частной вечеринке является оскорблением. Иными словами, не только кейсы канселлинга имеют значение. Как и дисциплинарная власть вообще, «культура отмены» создает, конструирует индивида и его идентичность, вне зависимости от того, применяется она в данный момент к конкретному человеку или нет. Невозможность совершения определенных действий и поступков из-за ожидания реакции и боязни отмены влияет не только на проявления, но и на идентичность саму по себе. Дисциплина создает субъекта, который является самоконтролирующим, развивающимся объектом на пересечении многочисленных векторов управления и принуждения.

Итак, несмотря на то, что социальные сети не являются институтами, они могут действовать как институты принуждения и дисциплины. Однако важной представляется также способность новых медиа выступать катализатором активности других институтов. Реакции на какое-либо высказывание, фотографии, действия человека не ограничиваются социальными сетями, а могут привести к исключенности в офлайне – отменам концертов, разрыву контрактов, увольнению и т.д.

Современные культурные войны связаны с контролем над повествованием (Jeftovic 2020). Один из популярных аргументов отменяющих, как и в случае с исключением прокаженных и сумасшедших, связан с безопасностью; ощущение «небезопасности» можно назвать рефреном нового маккартизма (Dershowitz 2020). Сообщество стремится обезопасить себя от прокаженных, сумасшедших, трансфобов или пропагандирующих нетрадиционные ценности, причем это стремление не ограничивается отменой подписки на соответствующие аккаунты, а непосредственно влияет на жизнь тех, кто, по мнению сообщества, представляет опасность. Но проблема в том, что дискурс безопасности обычно противоречит дискурсу свободы. В дискуссии о балансе между ними свобода является предметом борьбы тех, кто защищал бы ее от государства, и тех, кто защищал бы ее от «террора».

Можно предложить классическую ницшеанскую генеалогию свободы как доминирующего «изобретения правящих классов», однако это не помогает понять, как свобода стала играть поливалентную и двусмысленную роль в дискурсе исключенности, противоречиво отстаивая, с одной стороны, индивидуальную свободу, с другой – нелиберальные методы обеспечения безопасности во имя «свободы». В качестве аргумента в дискуссиях используют предостережение О. Холмса о том, что свобода слова не распространяется на ложные крики о пожаре в переполненном театре (Healy 2013; Larson 2015). Однако дело, в котором О. Холмс использовал эту аналогию, утвердило приговор противнику Первой мировой войны за раздачу политических листовок и попытки, в основном безуспешные, убедить молодых людей воспользоваться своим законным правом на отказ от военной службы по соображениям совести. Сообщение «Пожар!» обращено не к разуму или совести слушателя, а скорее к его адреналину и ногам. Это стимул к немедленному действию, но не к вдумчивому размышлению.

Как и в случае пожара, «культура отмены» предназначена для того, чтобы побудить к действию без обдумывания и рефлексии. И с позиции тех, кто заявляет о нарушении прав угнетенных или распространении нетрадиционных ценностей, их действия, защищающие безопасность членов сообщества, сопоставимы с предупреждениями о пожаре. Однако человек, который кричит «Пожар!» в переполненном театре, не отправляет политического послания, не говорит об этике и не приглашает своего слушателя подумать о том, что он сказал, и решить, что делать рациональным, просчитанным образом. Вряд ли можно отрицать разницу между безопасностью людей, которые могут пострадать при пожаре, и тех, кого беспокоят трансфобы. Иными словами, «культура отмены», распространившаяся ради повышения инклюзивности, то есть свободы самовыражения представителей угнетенных прежде групп, теперь выступает в качестве ограничения свободы через контроль.

Исследователи приводят в качестве примера практики исключения, характерные для Вселенских соборов, называя это аналогом «культуры отмены» (Jeftovic 2020). Канселлинг представляет собой современный вариант контроля над дискурсом через исключение. Так, истиной является то, что не все «менструирующие люди» являются женщинами (например, кейс с отменой Дж. Роулинг) или что любой белый человек – расист; несогласные с этими утверждениями подвергаются исключению из сообщества. Истина, таким образом, определяется не через соответствие реальности, а в качестве силы, присущей принципам и требующей осуществления в речи. «Культура отмены» не включает в себя ни стандартов, ни процессов для определения того, является утверждение об отмене истинным или ложным. Обвинение само по себе становится историей и тем самым оказывается частью исторических записей, даже если оно явно ложно. Независимо от доказательств или их отсутствия, значительный процент читателей и зрителей поверит любому обвинению, особенно в адрес противоречивой личности, с чьими взглядами по другим вопросам они могут не соглашаться.

Выводы

Социолог Дж. Го согласен с тем, что осмысление различного опыта исключенных прежде групп может повысить нашу объективность в оценке общества. Но инклюзивность должна быть не формальной (не постоянное расширение списка угнетенных), а включать этот опыт в универсальную теорию общества (Go 2013; Go 2017). В настоящее время «культура отмены» не претендует на теоретическую рамку, она скорее представляет собой случай «моральной ясности» (Bennett 2002), то есть прекращение попыток увидеть все стороны истории и отказ даже от стремления к объективности (каким бы недостижимым ни был этот идеал). Однако критика канселлинга, тем более без соответствующей теоретико-методологической рамки, представляет собой обратную сторону того же явления.

Опора на категории исключенности и дисциплинарной власти М. Фуко позволила сделать ряд выводов.

1. Идентификация понимается как следствие дискурсивных стратегий и практик контроля над ними. «Культура отмены» как одна из таких практик через инверсию инклюзивности в исключенность выступает как часть процессов идентификации.

2. Дисциплинарная власть проявляется не только на заводах, в больницах, тюрьмах, но может действовать и через различные медиа, в первую очередь социальные сети, конструирующие идею нормы как принцип принуждения и повышающие степень подконтрольности.

3. «Культура отмены», констатируя приоритет этического над инструментальным использованием прошлого, конструирует формы идентичности через принудительную релевантность, то есть само ее существование задает рамки поведения, поступков, высказываний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бергер П., Лукман Т. 1995. Социальное конструирование реальности. Москва : Медиум. 323 с.

Лавабр М.К. 1995. Память и политика: о социологии коллективной памяти // Психиатрия и науки о человеке / под ред. Н.С. Автономовой, В.С. Степина. Москва : Прогресс-Культура. С. 233-244.

Моран М. 2021. Идентичность и политика идентичности: культурно-материалистическая история // Неприкосновенный запас. № 1. С. 15-39.

Морозов Е. 2014. Техноненависть: как интернет отучил нас думать. Москва : Common place. 112 с.

Рорти Р. 1996. Случайность, ирония и солидарность. Москва : Русское феноменологическое общество. 282 с.

Сыров В.Н. 2023. Семейная память и историческая идентичность: можно ли считать их хорошими путями для определения идентичности // Tempus et Memoria. Т. 4, № 1. С. 6-14. DOI 10.15826/tetm.2023.1.040

Фуко М. 1999. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Москва : Ad Marginem. 478 с.

Фуко М. 2008а. О начале герменевтики себя // Логос. № 2. С. 65-95.

- Фуко М. 2008b. Дискурс и истина // Логос. № 2. С. 159-262.
- Фуко М. 2010. История безумия в классическую эпоху. Москва : АСТ. 698 с.
- Allen A. 1999. *The Power of Feminist Theory: Domination, Resistance, Solidarity*. Amsterdam : SWP Publishers. 150 p.
- Barry A. 2006. *On Interactivity // The New Media Theory Reader / ed. by R. Hassan, J. Thomas*. London ; New York : Open University Press. P. 163-187.
- Bennett W.J. 2002. *Why We Fight: Moral Clarity and the War on Terrorism*. New York : Doubleday. 176 p.
- David L. 2014. *Impression Management of a Contested Past: Serbia's Evolving National Calendar // Memory Studies*. Vol. 7, iss. 4. P. 472-483. DOI 10.1177/1750698014537670
- Dershowitz A. 2020. *Cancel Culture: The Latest Attack on Free Speech and Due Process*. New York : Hot Books. 168 p.
- Donnelly K. 2021. *Cancel Culture and the Left's Long March*. Melbourne : Wilkinson Publishing. 187 p.
- Galtung J. 1969. *Violence, Peace, and Peace Research // Journal of Peace Research*. Vol. 6, iss. 3. P. 167-191.
- Go J. 2013. *For a Postcolonial Sociology // Theory and Society*. Vol. 42. P. 25-55. DOI 10.1007/s11186-012-9184-6
- Go J. 2017. *Decolonizing Sociology: Epistemic Inequality and Sociological Thought // Social Problems*. Vol. 64, iss. 2. P. 194-199. DOI 10.1093/socpro/spx002
- Goffman E. 1968. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. London : Pelican. 147 p.
- Healy T. 2013. *The Great Dissent: How Oliver Wendell Holmes Changed His Mind – and Changed the History of Free Speech in America*. New York : Metropolitan Books. 322 p.
- Hoffman M. 2011. *Disciplinary Power // Michel Foucault: Key Concepts / ed. by D. Taylor*. Durham : Acumen. P. 27-39.
- Jarrett K. 2008. *Interactivity is Evil! A Critical Investigation of Web 2.0 // First Monday*. Vol. 13, iss. 3. DOI 10.5210/fm.v13i3.2140
- Jeftovic M. 2020. *Unassailable Protect Yourself from Deplatform Attacks, Cancel Culture & Other Online Disasters*. Amazon Digital Services LLC – KDP Print US. 212 p.
- Kovalik D. 2021. *Cancel this Book: The Progressive Case against Cancel Culture*. New York : Hot Books. 216 p.
- Larson C. 2015. "Shouting Fire in a Theater": *The Life and Times of Constitutional Law's Most Enduring Analogy // William & Mary Bill of Rights Journal*. Vol. 24. P. 181-212.
- Leone G., Curigliano G. 2009. *Coping with Collective Responsibilities: An Explorative Study on Italian Historical Identity Through Three Generations // Journal of Language and Politics*. Vol. 8, iss. 2. P. 305-326. DOI 10.1075/jlp.8.2.07leo
- Lukianoff G., Haidt J. 2018. *The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure*. New York : Penguin Press. 352 p.
- Morozov E. 2011. *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. New York : PublicAffairs. 409 p.
- Ng E. 2022. *Cancel Culture. A Critical Analysis*. Cham : Palgrave Macmillan. 153 p.
- Osiel M. 1997. *Mass Atrocity, Collective Memory and the Law*. New Brunswick : Transaction Publishers. 317 p.
- Sherlock T. 2020. *Evaluating the Legitimacy of the American Foundation Myth // Tempus et Memoria*. Vol. 1, iss. 1–2. P. 76-81.
- Taylor D. 2011. *Introduction: Power, Freedom and Subjectivity // Michel Foucault: Key Concepts / ed. by D. Taylor*. Durham : Acumen. P. 1-9.

References

- Allen A. *The Power of Feminist Theory: Domination, Resistance, Solidarity*, Amsterdam, SWP Publishers, 1999, 150 p.
- Barry A. On Interactivity, *Hassan R., Thomas J. (eds.) The New Media Theory Reader*, London & New York, Open University Press, 2006, pp. 163-187.
- Bennett W.J. *Why We Fight: Moral Clarity and the War on Terrorism*, New York, Doubleday, 2002, 176 p.
- Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality*, Moscow, Medium, 1995, 323 p. (In Russ.).
- David L. Impression Management of a Contested Past: Serbia's Evolving National Calendar, *Memory Studies*, 2014, vol. 7, no. 4, pp. 472-483. DOI 10.1177/1750698014537670
- Dershowitz A. *Cancel Culture: The Latest Attack on Free Speech and Due Process*, New York, Hot Books, 2020, 168 p.
- Donnelly K. *Cancel Culture and the Left's Long March*, Melbourne, Wilkinson Publishing, 2021, 187 p.
- Foucault M. About the Beginning of the Hermeneutics of the Self, *Logos*, 2008, no. 2, pp. 65-95. (In Russ.).
- Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*, Moscow, Ad Marginem, 1999, 478 p. (In Russ.).
- Foucault M. Discourse and Truth, *Logos*, 2008, no. 2, pp. 159-262. (In Russ.).
- Foucault M. *History of Madness in the Classical Era*, Moscow, ACT, 2010, 698 p. (In Russ.).
- Galtung J. Violence, Peace, and Peace Research, *Journal of Peace Research*, 1969, vol. 6, no. 3, pp. 167-191.
- Go J. Decolonizing Sociology: Epistemic Inequality and Sociological Thought, *Social Problems*, 2017, vol. 64, no. 2, pp. 194-199. DOI 10.1093/socpro/spx002
- Go J. For a Postcolonial Sociology, *Theory and Society*, 2013, vol. 42, pp. 25-55. DOI 10.1007/s11186-012-9184-6
- Goffman E. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*, London, Pelican, 1968, 147 p.
- Healy T. *The Great Dissent: How Oliver Wendell Holmes Changed His Mind – and Changed the History of Free Speech in America*, New York, Metropolitan Books, 2013, 322 p.
- Hoffman M. Disciplinary Power, *Taylor D. (ed.) Michel Foucault: Key Concepts*, Durham, Acumen, 2011, pp. 27-39.
- Jarrett K. Interactivity is Evil! A Critical Investigation of Web 2.0, *First Monday*, 2008, vol. 13, no. 3. DOI 10.5210/fm.v13i3.2140
- Jeftovic M. *Unassailable Protect Yourself from Deplatform Attacks, Cancel Culture & Other Online Disasters*, Amazon Digital Services LLC – KDP Print US, 2020, 212 p.
- Kovalik D. *Cancel this Book: The Progressive Case against Cancel Culture*, New York, Hot Books, 2021, 216 p.
- Larson C. "Shouting Fire in a Theater": The Life and Times of Constitutional Law's Most Enduring Analogy, *William & Mary Bill of Rights Journal*, 2015, vol. 24, pp. 181-212.
- Lavabr M.K. Memory and Politics: On the Sociology of Collective Memory, *Autonomova N.S., Stepin V.S. (eds.) Psychoanalysis and Human Sciences*, Moscow, Progress-Kul'tura, 1995, pp. 233-244. (In Russ.).
- Leone G., Curigliano G. Coping with Collective Responsibilities: An Explorative Study on Italian Historical Identity Through Three Generations, *Journal of Language and Politics*, 2009, vol. 8, no. 2, pp. 305-326. DOI 10.1075/jlp.8.2.07leo

Lukianoff G., Haidt J. *The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure*, New York, Penguin Press, 2018, 352 p.

Moran M. Identity and Identity Politics: A Cultural-Materialist History, *Neprikosnovennyj Zapas*, 2021, no. 1, pp. 15-39. (In Russ.).

Morozov E. *Techno-Hatred: How the Internet Weaned Us from Thinking*, Moscow, Common place, 2014, 112 p. (In Russ.).

Morozov E. *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*, New York, PublicAffairs, 2011, 409 p.

Ng E. *Cancel Culture. A Critical Analysis*, Cham, Palgrave Macmillan, 2022, 153 p.

Osiel M. *Mass Atrocity, Collective Memory and the Law*, New Brunswick, Transaction Publishers, 1997, 317 p.

Rorty R. *Contingency, Irony and Solidarity*, Moscow, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1996, 282 p. (In Russ.).

Sherlock T. Evaluating the Legitimacy of the American Foundation Myth, *Tempus et Memoria*, 2020, vol. 1, no. 1-2, pp. 76-81.

Syrov V.N. Family Memory and Historical Identity: Can They be Considered Good Ways to Define Identity, *Tempus et Memoria*, 2023, vol. 4, no. 1, pp. 6-14. (In Russ.). DOI 10.15826/tetm.2023.1.040

Taylor D. Introduction: Power, Freedom and Subjectivity, *Taylor D. (ed.) Michel Foucault: Key Concepts*, Durham, Acumen, 2011, pp. 1-9.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Оксана Владимировна Головашина

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия; ведущий научный сотрудник философского факультета Томского государственного университета, г. Томск, Россия;

ORCID: 0000-0002-9911-175X;

ResearcherID: R-3757-2016;

Scopus AuthorID: 56951277600;

SPIN-код: 3493-3930;

E-mail: ovgolovashina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oksana V. Golovashina

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia; Leading Researcher, Faculty of Philosophy, Tomsk State University, Tomsk, Russia;

ORCID: 0000-0002-9911-175X;

ResearcherID: R-3757-2016;

Scopus AuthorID: 56951277600;

SPIN-code: 3493-3930;

E-mail: ovgolovashina@mail.ru